

Ирина Семина
Наталья Кулибова

Эльфика

Простые вещи

Уютные
СКАЗКИ
О ЧУДЕСАХ,
КОТОРЫЕ РЯДОМ

**Ирина Константиновна Семина
Наталья Кулибова
Эльфика. Простые
вещи. Уютные сказки о
чудесах, которые рядом
Серия «Эльфика»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44649019

Эльфика. Простые вещи. Уютные сказки о чудесах, которые рядом:

АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117013-4

Аннотация

Все мы окружены вещами. Приятными и не очень, необходимыми и совсем бесполезными. Какими-то вещами пользуемся мы, а какие-то – пользуются нами. От одних хочется поскорее избавиться, другие мы храним как зеницу ока. Но знаете ли вы, что вещи с нами говорят? Настойчиво и откровенно. Но, к сожалению, не всегда мы можем распознать их голоса. Что же хочет нам поведать старая ракушка, в далеком детстве подобранная на берегу? О чем шепчет витрина магазина? Что же такого интересного желают нам сказать новенькие туфли? А вдруг это «что-то» – действительно важно? Об этом, и не только,

в цикле сказок «Простые вещи» расскажут вам две чудесные сказочницы – Ирина Семина и Наталья Кулибова.

Содержание

От авторов.	6
Глава 1	8
Кольцо	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Ирина Семина,
Наталья Кулибова
Эльфика. Простые
вещи. Уютные сказки о
чудесах, которые рядом**

© Семина И., 2019

© Кулибова Н., 2019

© Плаксина Е., иллюстрации, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

От авторов.

Простые вещи

Мы живем в мире вещей. Более того, мы буквально окружены вещами. Приятными и не очень, необходимыми и совсем бесполезными. Какими-то вещами пользуемся мы, другие – пользуются нами. От одних хочется поскорее избавиться, другие мы храним как зеницу ока.

Но знаете ли вы, что вещи с нами говорят? Настойчиво и откровенно. Но, к сожалению, не всегда мы можем распознать их голоса.

Что же хочет нам поведать старая ракушка, в далеком детстве подобранная на берегу? О чем шепчет витрина магазина? Что же такого интересного желают нам сказать новенькие туфли? А вдруг это «что-то» – действительно важно?

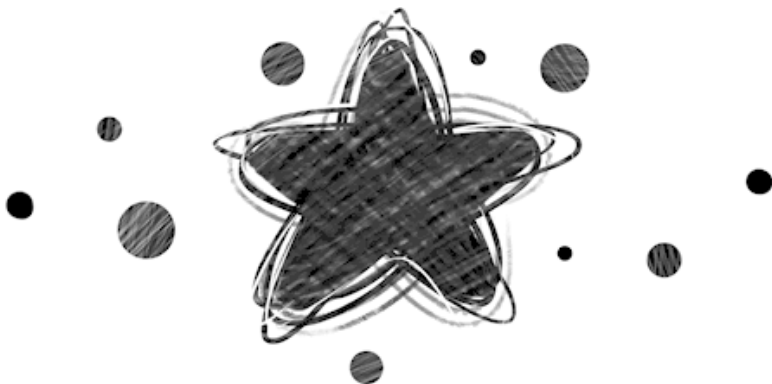
Об этом и не только в цикле сказок «Простые вещи».

Глава 1

Жизнь как генеральная уборка

– Эра, у меня для тебя на выходные есть задание, – сказала мама.

Я насторожилась: когда она говорит таким тоном, значит, миссия невыполнима. Ну, почти невыполнима – потому что сложные задачи мне нравятся, и мама это прекрасно знает.

– Прошу учесть, что у меня на выходные планы: написание курсовой, изучение литературы и подготовка к коллоквиуму, – деловито предупредила я. А что? Вдруг удастся ответить? Выходные ведь все-таки...

— Эрика! — строго нахмурилась мама.

О, это уже серьезно. Когда мама называет меня полным именем, значит, решение уже принято и Большая Королевская печать поставлена. Мама у нас настоящая королева, а мы — ее верные подданные и вассалы. Так шутит папа, и я с ним вполне согласна.

— Я вся внимание, — уверила я. — Так что делать? Сорвать выборы в Гондурасе? Найти-таки пропавший тунгусский метеорит? Спасти мир от пришельцев?

— Почти, — не поддаваясь на мой легкомысленный тон, ответила мама. — Тебе нужно будет съездить к бабушке.

— И? — подозрительно прищурилась я, уже предчувствуя какую-то подставу.

— ...и сделать у нее генеральную уборку.

— Так я же вроде в четверг убиралась?

Да, по мамину велению, по бабушкину соизволению, по по-недельникам и четвергам я езжу к ней и делаю уборку. Пылесошу, драю пол, выношу мусор, готовлю еду, стираю и глажу белье, два раза в год к списку добавляется мытье окон. Мелочи бабушка пока что худо-бедно делает сама. Она вообще очень самостоятельная, только уже совсем старенькая.

— Эра, мы выставаем на продажу бабушкину квартиру. О, а вот это новость! Я аж поперхнулась.

— Как выставаеме? А как же бабушка?

— Бабушка переезжает в дом престарелых. Конечно, мы

подберем самый лучший, где есть уход и присмотр на высшем уровне.

Да, делаааа...

– А бабушка в курсе?

– Да, конечно. Это ее решение, нас она лишь поставила в известность. Ты же знаешь бабушку Эрну, с ней не поспоришь.

– Да она с ума сошла! – вырвалось у меня.

– Она в здравом уме и понимает, что скоро не сможет справляться с бытом без посторонней помощи. Так что изволь принять ее решение с уважением.

– Ну хорошо, – пожала плечами я. – Только уточни: что имеется в виду под генеральной уборкой?

– Ты же знаешь, сколько у бабушки хлама.

О да, это я знала! Уж кто, как не я! Вся бабулина «двушка» была заставлена комодиками, ящичками, сундучками, шкатулками и прочими емкостями, куда никому соваться не позволялось. Повсюду можно было увидеть треснувшие фарфоровые статуэтки, чашки с отбитыми ручками, засушенные цветы в рамочках и прочую милую старческому сердцу лабуду. Не говоря уже о шкатулках-сундучках. Бабушка очень ревностно относилась к своему имуществу, и уж какие сокровища там хранились, только ей было известно. Так что мне для мытья оставалось совсем немного пространства, зато вот пыли вытирать приходилось немало.

– Так вот, ставлю задачу: за выходные освободить квартиру от всего лишнего. Хлам сложить в мешки, поставить в коридоре, потом найдем людей, которые все это вынесут и выбросят. В понедельник все хорошенько помоешь, а во вторник уже придут риелторы смотреть квартиру.

– Мам, а если бабушка будет против выноса хлама? – попыталась возразить я.

– Разумеется, она будет держаться за каждую тряпку и бумажку, как за фамильную драгоценность, – подтвердила мама. – Поэтому твоя задача проста и однозначна: убедить, уломать, выгрести, упаковать, приготовить к отправке. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – обреченно произнесла я. Во я влетела! Мало не покажется.

Ранним субботним утром я тряслась в маршрутке и размышляла о том, с чего начать и как уговорить бабулю расстаться с дорогим ее сердцу хламом. Да что там – как вообще ее разговорить! Дело в том, что отношения нашей семьи с бабушкой Эрной всю жизнь оставляли желать лучшего – и это еще мягко говоря.

Когда-то папа, ее сын, женился на моей маме против ее воли. Ради мамы он не стал работать по профессии, потому что это предполагало длительные командировки, а он не хотел оставлять маму одну. Бабушка же тогда прервала с сыном всякое общение, на регистрацию не пришла, подарок выслала по почте, в денежном эквиваленте. Естествен-

но, при таком раскладе молодые жить с ней не рискнули, снимали жилье, потом купили комнату и только потом задумались о ребенке. Я к тому времени уже, видимо, потеряла надежду и приходила к ним не торопясь, так что появилась на свет аж через восемь лет после свадьбы. Все это время бабушка общалась только с сыном и только по телефону. Хотя в ту пору она была вполне себе бодрая и вела крайне активный образ жизни, довольно регулярно курсируя между Россией и Германией, где у нее были какие-то родственники. Да, забыла сказать: бабушка немка, настоящая, чистокровная, но на каком-то молодежном фестивале встретила дедушку, спортсмена и красавца, и таким образом на нашем родовом древе появилась эта ветвь. Дедушка, к сожалению, умер рано – еще задолго до моего рождения, иначе бы он, конечно, не допустил такого разлада в семье. А воссоединение произошло благодаря мне: когда маму увезли в роддом, бабушка Эрна позвонила папе и велела назвать меня Эрикой. Маме, как ни странно, имя понравилось, так меня и записали в свидетельстве.

Вот после этого бабушка сочла, что может снова допустить общение с сыном и его семьей. Надо сказать, происходило оно нечасто и всегда строго регламентированно, по большим праздникам: или мы к ней обедать, или она к нам. Для меня у бабушки всегда был какой-нибудь подарок, и моим куклам, ходящим и говорящим, привезенным из самой Германии, завидовали все девчонки. С мамой бабушка

проявляла прохладную и вежливую сдержанность. С папой, кстати, тоже. Разговоры велись светские: о погоде, природе и удавшейся запеченной рыбе. Но родители были рады и этому: папа наконец-то успокоился, мама порадовалась за него, а я тогда еще мало что понимала.

Иногда бабушка брала меня на прогулку. В основном мы ходили по музеям и выставкам. Позже я оценила, что благодаря этим походам у меня сформировался неплохой кругозор в области искусства и истории. Еще бабушка с малых лет разговаривала со мной на немецком языке, благодаря чему я быстро научилась болтать и читать на нем, впоследствии легко освоила еще английский и играючи поступила на иняз.

К себе меня бабушка не водила, она вообще нас дальше накрытого стола в свою жизнь не пускала. Мы знали, что она преподавала немецкий в универе и давала частные уроки. Ну и, как я упоминала, много путешествовала. Остальная ее жизнь являлась для нас тайной за семью печатями. Не знаю, как родители, а я, если честно, ее жизнью и не интересовалась – бабушка Эрна всегда была вполне самостоятельной личностью. Я к ней относилась с почтением и даже порой восхищалась ее выдержкой, прямой осанкой, умением одеваться и потрясающей эрудицией. Когда она стала физически сдавать и ей понадобилась помощь по хозяйству, я без всяких «не хочу» и «почему я?» взяла на себя обязанности по уборке. Лекарства и продукты привозит

папа, он же отвозит бабушку в поликлинику, пенсионный фонд и банк. Маму решили без крайней нужды не привлекать, чтобы не создавать для бабушки стрессовых ситуаций. Отношения свекрови и невестки так и оставались натянутыми, и все это чувствовали.

Собственно, к чему это мне все вспоминается? Да к тому, что вы уже поняли: особой близости и доверительности с бабушкой Эрной ни у кого из нас не было и нет. И, если она не пускает нас в свою жизнь, с какой стати она вдруг радостно скажет: «Да, конечно, вы можете лазить везде и выбрасывать все, что сочтете нужным»? Скорее всего, меня вежливо отошлют еще на дальних подступах. И даже если допустят до святынь, права мама: мне предстоит битва за каждый пожелтевший театральный билет, за каждую фарфоровую пастушку с отломанной рукой. Эх, прощайте, выходные, не поминайте лихом!

От маршрутки до бабушкиного дома минут пять быстрым шагом. Уже у двери я притормозила, пожелала самой себе удачи и терпения и только тогда нажала на кнопку звонка. Бабушка открыла быстро, словно за дверью караулила.

– Проходи, только осторожно, – предупредила она.

Я вошла и зависла: вся прихожая была уставлена черными мусорными мешками.

– Что смогла – уже сложила, – пояснила она. – Остальное ты уж сама.

— Здравствуйте, бабушка Эрна... — ошарашенно проговорила я заготовленное приветствие.

— И тебе здоровья, Эрика. Будем пить чай или ты хочешь приступить сразу?

— Я дома пила... — промямлила я. — Если можно, то попозже.

— Попозже так попозже.

Бабуля пошла в комнату, а я двинулась следом за ней, отметив, что она с четверга сильно сдала — плечи ссутулились, белые кудельки на голове обвисли, да и тапочками шаркает, как дряхлая старуха. Она никогда не позволяла себе такие вольности. Никогда! Даже когда стала болеть. Даже когда ослабли ноги. Да, теперь понятно, почему замаячил дом престарелых.

В комнате она накинула вязаную шаль, села на диван и устало повела рукой:

— Вот тебе фронт работ. Действуй.

Я огляделась. Да, бабушка хорошо потрудилась: исчезли пастушки и бронзовые колокольчики, засушенные цветы и старые чашки. Все, до чего она смогла дотянуться, перекочевало в коридор, в мешки.

— Зачем же вы сами? — пробормотала я. — Я бы все сделала.

— Я не такая уж развалина, чтобы не явиться на похороны, — ответила она.

Я обмерла: оп-па, похоже, у нее и крыша поехала! Какие

похороны, если она из дома без сопровождения уже год как не выходит? А папа ее туда не возил, точно не возил, я бы знала!

– А кто умер? – осторожно спросила я.

– Друзья, – печально ответила бабушка. – Друзья, которые были частью моей жизни. Их больше не будет со мной. Это грустно.

– Примите наши соболезнования, – сочла нужным сказать я.

– Ай, брось. Вам до этого и дела нет, – махнула рукой она. – Никому нет. Вы их и не знали. Работай. Начни вон с комода.

– Хорошо, – кивнула я, застелила стол клеенкой и решительно опрокинула на него содержимое верхнего ящика.

Да, ожидаемо. По столу рассыпался ворох предметов разной степени изношенности. Наверное, некоторые из них были пригодны к использованию, но только вот кто бы стал их обследовать? Пока я размышляла, как следует поступить: свалить все оптом в мусорный мешок или все-таки рассортировать на нужные-ненужные, сзади послышался странный звук. Я обернулась – и обомлела: бабушка Эрна плакала. Бабушка! Плакала! Да я не то что не видела ее плачущей, я вообще думала, что она испытывает одну лишь эмоцию – вежливое внимание!

– Бабушка Эрна, что с вами? – кинулась к ней я. – Вам плохо? Воды? Лекарство подать? Скорую вызвать?

– Уймись! – приказала бабушка. – Ничего не надо. Погоди минутку, я справлюсь. Я со всем справлюсь. Мертвое – мертвым, живое – живым.

– Да что случилось? – еще больше запаниковала я.

– Поддай мне салфетку.

Она утерла слезы, изящно высморкалась и в упор воззрилась на меня.

– Не паникуй. Делай свое дело. Я выдержу панихиду. По крайней мере, постараюсь.

– Нет, так дело не пойдет, – твердо заявила я. – Пожалуй, я зря отказалась от чая. Давайте выпьем чаю, успокоимся, и вы мне все расскажете?

– Изволь, – горестно всхлипнула она. – Только... Ты можешь накрыть на стол здесь?

– Конечно, только вещи уберу.

– Нет! Не надо убирать. Прямо рядом с ними. Или среди них.

– Как скажете, – не стала настаивать я. – Сейчас поставлю чайник. Вы будете со сливками или с лимоном?

Я говорила и говорила, не давая ей вставить слова, а сама лихорадочно соображала, что делать дальше: бабушка явно была не в адеквате. Эти странные похоронные разговоры, эти бурные рыдания – все это было так на нее не похоже, что я совершенно растерялась. Но, когда я принесла все к чаю, бабушка, казалось, уже совершенно взяла себя в руки.

– Садись, Эрика. Я тебя напугала и должна объяснить-

сы, – сдержанно, как всегда, сказала она.

Я покорно присела, ожидая продолжения.

– Полагаю, я была плохой матерью и не очень хорошей бабушкой, – начала она. – Не возражай, это ни к чему. Я все о себе знаю. Итак, я мало внимания уделяла родным, предпочитая дарить свое общение знакомым (и даже малознакомым) людям. Возможно, я так тешила свою гордыню. Не знаю. Но, поверь, я все делала от души и по велению сердца. Теперь поздно что-то исправлять. Впрочем, не в этом дело. Если бы мне довелось прожить жизнь заново, не факт, что я прожила бы ее как-то по-другому.

Она замолчала, рассеянно перебирая предметы на столе. Я тоже молчала, не желая сбивать ее с мысли.

– Я понимаю, что квартиру продавать в любом случае надо – я уже не справляюсь. На эти деньги я выкуплю место в частном доме престарелых, и кое-что останется, так сказать, на булавки и леденцы. Да, с квартирой придется расстаться. И что для этого надо ее очистить и отмыть – тоже прекрасно понимаю. Так сказать, предпродажная подготовка. Поэтому я не против и не препятствую. Ты можешь спокойно делать свое дело.

Почему-то на этих словах я себя почувствовала практически палачом, которому распятая на дыбе жертва говорит: «Делайте свое дело, мессир!»

– Это вас так расстроило, бабушка? – тихо спросила я.

– Ты не понимаешь. Для тебя все это – ненужный, непо-

нятный хлам. А для меня – вся моя жизнь. Вереница историй, в которых я была либо персонажем, либо автором, либо консультантом, либо благодарным слушателем. За каждой вещичкой стоит человек, со своим характером, со своими страстями, эмоциями, мечтами и надеждами. И когда вещь отправляется на свалку – это все равно, что похоронить кого-то близкого, родного. Вместе с вещью уходит и он, и блекнет память о нем. Навсегда, понимаешь?

– Понимаю, – неуверенно кивнула я.

– И словно бы умирает частичка меня самой, – продолжила бабушка. – Ведь все эти истории проросли в меня, стали моей частью. Представь, каково это – раз за разом отрезать от себя по кусочку?

– Бабушка, но ведь срезаем же мы волосы, ногти? Да и верхний слой кожи постоянно обновляется, – постаралась вразумить ее я. – И ничего, продолжаем жить!

– А если это не ногти и не волосы? Если все это вот тут, в голове и сердце?

Я умолкла: конечно, когда отрываешь по кусочкам мозг и сердце, приятного мало.

– Вот поэтому мне больно и я плачу, – завершила бабушка Эрна. – Но это не должно тебя останавливать.

– Ну уж нет! – твердо сказала я. – Я что, садист какой-нибудь? Скажите, что нужно сделать, чтобы вы смогли отпустить всех этих людей вместе с их историями? Только не говорите, что умереть, этот ответ не принима-

ется!

— Честно говоря, я так и думала, что все эти истории умрут вместе со мной, — слегка усмехнулась бабушка. — Кому они еще интересны?

— Мне! Мне они интересны! — тут же заявила я. — Вот, например, эта коробочка — она про что? Или про кого?

Я выхватила из вороха предметов синюю коробочку со сломанным замочком. В такой обычно держат драгоценности. Но эта была приоткрыта, пуста и похожа на раззявленную пасть какого-то мелкого беззубого животного.

— Здесь было кольцо, — взглядываясь в коробочку, начала бабушка. — Оно чуть не сломало жизнь одной моей соседке, ее звали Маргарита. Они давно переехали, а память осталась. Ее история была такой занимательной, почти детективной...

— Расскажите, бабушка! — с искренним интересом попросила я. — Мне очень хочется, правда!

Кольцо

Сериал, закипающая вода в чайнике, кухонное полотенце в клеточку, немытая тарелка в раковине после быстрого перекуса, пятно на полу, дверцы кухонных шкафчиков – пора бы уже их помыть... Так... Ничего не забыли? Кажется, все на месте в небольшом, но вполне уютном мирке сорокалетней женщины. А если учесть, что она хорошая хозяйка, верная жена, заместитель главного бухгалтера и мать девятнадцатилетнего парня, то все кусочки пазла складываются во вполне приличную картинку.

Хотя... Есть что-то еще. Марго и сама не может понять что, но оно мешает, давит, даже распирает изнутри, особенно вечерами, когда все дела сделаны. Это что-то иногда вырывается наружу рыданиями, или истеричным хохотом, или тихими слезами. Что это такое, Маргарита не понимает. Да и как можно разобраться, когда... то мультиварка пищит, то отчеты в голове гудят, то телевизор призывно подмигивает?

– Мам, я пойду прогуляюсь! – вклинился в хаотичный гул женских мыслей голос сына.

– Опять со своей... хм... подругой? – не поворачивая головы в сторону Антона, проворчала Марго и критично осмотрела пятно на полу. Нужно все-таки сходить за тряпкой.

– Ну да, с ней. А что? – в голосе молодого мужчины про-

звучал вызов. Или ей так кажется? Все-таки не подросток уже, когда все через противостояние... Хотя какой из него взрослый? Для нее он всегда будет «мой малыш». Всегда.

– Иди уж. – Общаться с отроком сегодня почему-то не было сил.

«Отчеты. Отчеты совсем вымотали», – нашла ответ Маргарита и привычно вздохнула. В марте у всех бухгалтеров есть негласная традиция – горестно и немного торжественно вздыхать, словно их гложет великая тайна, которую не постичь простым смертным.

«Оставляйте все дела на работе», – вспомнился Маргарите совет психолога из какой-то телепередачи, и она постаралась переключиться на дела домашние.

«Не нравится мне его девочка, эта Анна. Сама не знаю почему», – Рита устало присела на стул, по-старушечьи сгорбив спину.

– ...И вскоре ты уже и не вспомнишь о том, что когда-то был молод... – устало произнес телевизор, будто решив поиздеваться над женщиной.

Сдавив виски кончиками пальцев, Маргарита прикрыла глаза. Неужели она готова превратиться в ворчливую злобную свекровь? Что за метаморфоза такая? Ведь, кажется, совсем недавно она смеялась над подобными персонажами! Стряхнув с себя оцепенение, Марго вскочила со стула и принялась действовать. Впереди ужин, стирка, пятно на полу, наконец!

С грохотом достав сковороду, Маргарита швырнула ее на плиту, будто посудина была виновницей всех ее бед. «Ненавижу все это! – пронеслось в голове. – Эту кухню, вечную борьбу с грязью, посуду, готовку, эти полотенчики!» – страсти в душе Марго разыгрались нешуточные, но руки продолжали исполнять привычный танец добропорядочной матери семейства. И вот уже на столе появилась миска, а в ней – оранжевые яичные желтки. Рядом возникла банка с мукой, готовая в любую минуту соединиться с желтками в кулинарном экстазе. «Так. А где разрыхлитель? Неужели Олег забыл купить? Вечно все забывает, – проворчала Марго, пошарив в ящике с бакалеей. – Может, он остался в продуктовой сумке?»

Сумка стояла по тумбочке в прихожей. Разрыхлителя в ней не было, зато был... маленький подарочный пакетик, а в нем – бархатная коробочка. Открыв ее, Марго ахнула: кольцо! Золотое кольцо со сверкающим камнем, обрамленным россыпью камешков поменьше.

«Вот и сослужила тебе твоя рассеянность плохую службу», – подумала Марго о муже. В быту, в отличие от работы, он был очень несобранным, вечно все забывал, оставлял где попало свои вещи, а потом не мог их найти. Помнится, на их свадьбе в загсе Олег обнаружил, что забыл обручальные кольца, помчался домой и едва нашел их... в кухонном шкафчике с мукой и крупами. «Вот уж спрятал так спрятал!» – смеялась потом свекровь. – А если бы я с кольцами

пирог испекла?»

Эту черту все терять и забывать, ужасно раздражавшую Марго, от отца перенял и сын.

«Кому дарят кольца? – меланхолично и как-то обреченно подумала женщина. – Конечно, любовницам. Женам не дарят. У них и без того запросов много. Им и посуда нужна, и постельное белье, и полотенчики эти... кухонные...»

Маргарита еще раз взглянула на кольцо. Осторожно, будто оно было сделано из тончайшего стекла, она надела его на безымянный палец. Несмотря на пяток лишних килограммов в области боков и талии, ее пальцы оставались тонкими и нежными. Кольцо сидело как влитое.

Потом, вытянув ладонь перед собой, женщина снова прищурилась, будто пытаясь разглядеть в украшении какой-то тайный символ. Разгадку. Но ничего в голову не приходило.

«Оно мое, – вдруг решила Марго и выдохнула. – Ну, конечно, а чье же еще?» От этой мысли ей сразу полегчало.

– Порадуйте своих любимых нежным прикосновением тончайшего шелкового белья! – проворковал телевизор, и Марго пронзила догадка: «Ну и дура же я. Послезавтра Восьмое марта!»

Женщина сняла кольцо, положила его в коробочку, а ее вернула в продуктовый пакет, который так и остался лежать на пуфике.

Привычным жестом нащупав в темноте замочную скважину, Олег просунул ключ и открыл дверь. В нос ударил аромат жареных котлет.

— Рит, я дома! — крикнул он куда-то вглубь комнаты и скинул пальто.

Мельком взглянув в зеркало, Олег провел рукой по волосам. А он еще ничего: лицо с возрастом стало мужественнее, брюшком не обзавелся, а проседь пока служит украшением.

Марго, как всегда, суетилась на кухне. Вместо обычного халатика на ней красовалось легкое платье. Переворачивая котлеты, Маргарита что-то напевала.

Рухнув в спасительные диванные объятия, Олег нащупал пульт.

— Что сегодня новенького? — Жена присела рядом и посмотрела на него с улыбкой.

— Да все по-старому, — ответил Олег.

Что-то странное с ней сегодня. Почему она так смотрит? Олег задержал взгляд на лице жены. Парочка морщинок под глазами, румянец на щеках, немного туши на ресницах. А в серо-голубых глазах — искорки. Давно их не было видно... Оказывается, они еще сохранились.

— Какая-то ты сегодня... — перед мысленным взором Олега промелькнул образ прежней Маргариты, тоненькой смеш-

ливой девчонки, наивной и мудрой одновременно.

– Какая? – во взгляде еще больше заискрился лунный огонек. Олег никогда не мог понять, как этот холодный свет в ее глазах может гореть огнем, словно лед и пламя соединились в одно целое.

– Не такая, как обычно, – прищурился он.

На минуту показалась прежняя Марго. Дерзкая, шаловливая. Та, при виде которой у него когда-то дрожь шла по телу. И не нужно было больше ничего – смотреть бы в ее глаза, гореть в этих невозможных огненно-ледяных искрах.

Ночью Олег почувствовал на плече голову жены. «Что это с ней сегодня?» – мужчина вдохнул в себя привычный запах ее волос и ощутил, как сон уходит, уступая место совсем другим желаниям.

* * *

Утро выдалось ненастным. Мокрый снег так и норовил попасть за воротник куртки, а ледяной ветер был с ним заодно. Марго не сопротивлялась. Сегодня ей было тепло, даже жарко.

Странно: юбка до колен и шелковая блузка согревали лучше привычной шерстяной кофточки и брюк. Или это тепло идет изнутри? Марго почему-то хотелось смеяться.

Да и вообще весь день ее все время что-то смешило. Михаил Петрович с его вечно нахмуренными кустистыми бро-

виями, секретарша Леночка, кипа бумаг на столе... Все это было не важно по сравнению тем, что кипело сейчас у нее внутри, яркими искорками вылетая наружу.

По пути домой Марго равнодушно прошла мимо продуктового магазина. Сейчас ее гораздо больше интересовала вывеска «Клеопатра». «Ведь вы этого достойны», – вспомнился рекламный слоган, и Марго решительно распахнула дверь салона красоты.

«Вы этого достойны», – пронеслось снова в магазине нижнего белья. К этому комплекту Маргарита присматривалась уже давно, но жалела денег. Сегодня настал его звездный час.

Дома никого не было. Рита скинула пальто и проскользнула в спальню – хотелось поскорее примерить обновку. Включив музыку, женщина начала раздеваться.

Музыка звучала так обольстительно и проникновенно, что она не смогла устоять перед ее зовом. Прибавив звук, Марго задвигалась в такт мелодии, забыв о времени и годовых отчетах.

* * *

«Черт, подарок к Восьмому марта! – выругался про себя Олег, стоя перед дверями квартиры. – Ладно, дам ей денег, пусть сама что-нибудь купит», – привычно подумал он.

Лучик закатного солнца пробился через коридорную форточку и заглянул в глаза мужчины. Совсем как вчера ве-

чером, когда на него смотрела Марго. Отчего-то ему стало не по себе.

Квартира встретила его музыкой. На кухне – никого. Заглянув в приоткрытую дверь спальни, Олег обомлел. Марго кружилась по комнате почти раздетая, в чем-то легком и кружевном, напевая и смеясь одновременно. Его прежняя бестия вернулась, будто и не было этих двадцати лет.

* * *

Утром Олег встал пораньше. Пока она не проснулась, нужно быстренько сбежать за цветами. В прихожей в поисках ключей он ненароком смахнул с тумбочки пакет, и тот упал на пол с глухим стуком.

– Да чтоб тебе, – пробормотал Олег, поднимая пакет.

От падения коробочка открылась, являя миру свое содержимое. Кольцо сверкало. Кольцо манило. Кольцо обещало. А он тупо смотрел на кольцо, и в голове с трудом ворочались шестеренки.

Внезапно все встало на свои места. И оживленная Марго, и эти искорки в глазах, и вчерашний танец, и новое белье... У Олега перехватило дыхание, захотелось закурить, хотя он держался уже полгода.

Кое-как попадая в рукава пальто, мужчина выскочил за дверь.

Антон разбудил грохот двери. С трудом разлепив веки,

он посмотрел на часы. «Десять! – парень резво вскочил с постели и оделся. Несколько минут он метался по квартире, чем-то гроыхая и что-то бубня себе под нос. Потом послышался громкий вздох облегчения, и в прихожей снова хлопнула входная дверь.

Марго сладко потянулась в постели. «Чего это они там... расхлопались...» – мысли текли медленно и вяло. Не хотелось ни о чем думать. Лежать бы так весь день, нежиться с Олегом в обнимку...

– Олечка! – крикнула она. – Олег!

Не услышав ответа, женщина встала с постели и пошла варить кофе. По дороге на кухню взгляд упал на давешний пакет. Он валялся на полу и был пуст...

– Ну и дура же я... – прошептала Рита. Плечи привычно ссутулились. Сорок лет, лишние килограммы, взрослеющий сын, годовые отчеты, сумки с продуктами, пятно на полу... И муж, который покупает украшения для другой женщины...

Эти мыслям верить не хотелось. Женщина собралась заплакать, но почему-то передумала. «А при чем тут, собственно, кольцо? При чем тут Олег? Вчера была я. И мне было чертовски хорошо! А сегодня я такая же, как вчера. Захочу – и буду такой всегда! И новое белье, и музыка, и...»

Контрастный душ, белье, платье, каблуки, пальто и красная помада. Марго выбежала на улицу. Ей было легко и радостно, потому что теперь у нее не было ни вчера, ни завтра.

У нее был сегодняшний день, которым она вольна распоряжаться по своему усмотрению.

* * *

Светофор, красный свет. Нужно как-то прийти в себя.

Олег смотрел на дорогу, а перед глазами проплывали картинки вчерашнего вечера. Как блестели ее глаза, какие мягкие и шелковистые у нее волосы, а запах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.